

ВЬЕТНАМ

ОТРАВЛЕННЫЕ ДЖУНГЛИ

Нельзя победить того,
на чьей стороне
сила советского
оружия

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

Боевая хроника. Романы о памятных боях

Александр Тамоников

Вьетнам. Отравленные джунгли

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Вьетнам. Отравленные джунгли / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2020 — (Боевая хроника. Романы о памятных боях)

ISBN 978-5-04-115861-3

Начало 1970-х. Американцы и их союзники уже несколько лет воюют на земле Вьетнама. Только благодаря помощи советских военных специалистов народной армии удастся успешно противостоять агрессору. Ракетный комплекс, в котором служит капитан Раевский, защищает стратегический мост, связывающий северные и южные провинции. Все попытки вражеской авиации уничтожить объект не приносят успеха. Чтобы сломить сопротивление героического расчета, взбешенные неудачами натовские рейнджеры решают проникнуть на позицию зенитчиков и выкрасть советских офицеров. В эту ночь капитан Раевский и его товарищи совершили настоящий подвиг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115861-3

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Вьетнам. Отравленные джунгли

© Тамоников А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

БОЕВАЯ ХРОНИКА

РОМАНЫ О ПАМЯТНЫХ БОЯХ

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**ВЬЕТНАМ
ОТРАВЛЕННЫЕ ДЖУНГЛИ**

МОСКВА
2020

Глава первая

Станция наведения ракет работала в боевом режиме уже четырнадцать часов. Кабина раскалилась, горячий воздух обволакивал лицо, дышалось, как в натопленной бане. Все, чего касались руки, испускало жар. Майор Андрей Раевский – 35-летний светловолосый мужчина атлетического сложения – откинулся на спинку скрипучего поворотного стула. Спина была голой, стул железный – от раскаленной спинки спасала переброшенная через нее циновка. Голову бы оторвать тому умнику, что оснастил кабины железными стульями! Физические нагрузки при боевой работе были нещадными. Уже через час после включения аппаратуры в кабине царило пекло. Справа работал старший лейтенант Армен Газарян – молодой черноволосый парень с «гордым кавказским профилем» и шкодливими глазами. Он прилип к экрану радара, сканировал пространство в ожидании появления цели. В какой-то момент бегло покоился на командира и, надрывно засмеявшись, проговорил:

– Шестьдесят девять градусов, товарищ майор... Я имею в виду в тени... – Парень был шустрый, смешливый, в его речи практически отсутствовал армянский акцент – в чем не было ничего удивительного для уроженца Поволжья. – Да ладно, не семьдесят же, округляем до шестидесяти. У нас в парной и восемьдесят бывает, и девяносто, все штатно...

Под ногами расплылась лужа. От пота блестели тела, словно их щедро намазали маслом. Форму одежды выбирали по усмотрению старшего группы. Сегодня это была «форма ноль»: трусы, сандалии, пробковый шлем. День выпал напряженный, авиация противника окончательно озверела, налеты следовали с кратковременными интервалами – впрочем, их хватало, чтобы при помощи тяжелых транспортно-заряжающих машин перезаряжать пусковые установки. «Фантомы» прорывались дважды – и с каждым разом все сложнее становилось их отгонять. Выпустили четыре ракеты, один самолет подбили безвозвратно – даже не следили, куда он падал. Второй получил повреждения, пилот отказался от мысли сбросить тонну смертоносного железа на промышленный район, развернулся и на малой высоте убрался восвояси, весь окутанный дымом.

Работать в этом квадрате было невероятно сложно. Приходилось вдвоем. Одна голова хорошо, но две – лучше! Район был гористый, индикаторы РЛС перегружались местными отражениями. На фоне этих помех цель просто проваливалась, а возникнуть могла уже в другом конце экрана. Точное сопровождение мишени, гарантирующее ее поражение, зачастую срывалось. Операторы тоже срывались на отборный мат. Какая-нибудь скала или лесной массив на возвышении легко принимались за самолет противника. А исправление ошибки в условиях дефицита времени – тот же срыв стрельбы. Невзирая ни на что, офицеры сохраняли хладнокровие, выдерживали заданную скорость перемещения антенн. И цель, как правило, не ускользала. Дальше дело техники – быстро ее захватить и сопровождать со всей возможной точностью. Это делали вручную, автоматике не доверяли. Станция наведения, входящая в зенитно-ракетный комплекс СА-75 «Двина», была средоточием боевой работы, именно здесь происходило самое важное, от чего зависела эффективность системы ПВО. Доверять это дело вьетнамцам было легкомысленно. В критические минуты местных операторов просто выдворяли из кабин – и пусть себе обижаются, на обиженных воду возят! Работали только советские расчеты. Вот и сейчас – в кабину с робкой улыбкой заглянул щуплый паренек из местных – товарищ Динь, лейтенант Вьетнамской народной армии, не сказать, что совсем уж бесталанный, но в текущей ситуации совершенно бесполезный. Он посматривал с затаенной надеждой: может, дадут поработать? А то опять как всегда: сюда не лезь, это не трогай. Многие вьетнамцы схватывали на лету, и этот парень был не промах, но им всем не хватало опыта. А также психологические барьеры вставали стеной. В прошлый раз пришлось пойти на хитрость – все было штатно, захватили цель, осталось нажать на кнопку «Пуск», а этих людей вдруг сразила нерв-

ная дрожь, затряслись руки, зубы начали выбивать чечетку. Андрей украдкой нажал на кнопку, а потом обрушился на курсанта с гневной тирадой: давай же, товарищ Динь, вся Трудовая партия Вьетнама вместе с покойным дядюшкой Хо на тебя смотрит! Лейтенант пересилил себя, произвел пуск (когда тот был уже произведен), а потом кричал от радости, что преодолел свои комплексы, страшно гордился, задирает нос перед товарищами – ведь именно он, а никто другой сбил проклятого американского империалиста! Что поделаться, смеялись потом советские специалисты. Техника уже умная, а люди еще нет!

– Андрей Иванович, вы уверены, что они прилетят? – прокричал Газарян, отрывая глаза от экрана радаров. – Вроде прилетали уже, и ничем хорошим это для них не закончилось!

– Жди, Армен, еще не вечер, обязательно прилетит наш «жареный петух»! Из штаба сообщили, что уже летит! Время есть, минут через двадцать будут!

Телефонная связь поддерживалась со всеми элементами ЗРК, с соседним комплексом дивизиона, расположенным двумя километрами к северу, со штабом зенитно-ракетного полка, где первую скрипку играл советник командира ЗРП полковник Бахметьев. Последний не так давно выходил на связь. Информацию выдал неутешительную. Налеты совершались с авиационных баз в Таиланде, с острова Гуам в Тихом океане – именно там базировалась тяжелая американская авиация. Агентурная и техническая разведки армии ДРВ работали эффективно – в чем тоже была заслуга советской стороны. Полезные сведения поставлялись командованию быстро и без шума. Американские бомбардировщики только взлетали с военно-морских баз США, а вьетнамское командование и их советские покровители уже знали: куда, сколько и каким курсом направляются. Зенитчикам хватало времени подготовиться к встрече. Сейчас «F-105» «Тандерчиф» летели с базы в бухте Апра, что на острове Гуам, направлялись для «обработки» промышленных объектов южнее Ханоя. «Тандерчиф» представлял серьезную опасность – маневренный истребитель-бомбардировщик мог нести целую линейку зарядов, вплоть до ядерных, и помимо традиционного бомбометания использовался для прорыва и уничтожения ПВО противника.

– Товарищ майор, покурите, – крикнул Газарян, – а я подежурю! Потом меня смените!

Подчиненный был прав. Невозможно терпеть часами эту парилку. Весь комплекс был оплетен проводами и кабелями – постоянно в них путались. Раевский вывалился на улицу, облегченно перевел дыхание. В кабине плюс семьдесят, снаружи – всего сорок, красота! Май месяц, во Вьетнаме дикая жара и стопроцентная влажность. Местные – привыкшие, а для человека, выросшего в средней полосе России, нет пытки мучительнее – месяцами находиться во всем этом. Забываешь даже про войну, про все несправедливости жестокого мира... Он схватился за пачку «Столичных» на раскладном столике. Там же фляжка с холодным чаем, ее заботливо пополняли вьетнамцы. Стартовую позицию ЗРК охранял взвод вьетнамской армии при полной амуниции – тридцать серьезных и готовых ко всяким неожиданностям парней. Двое или трое могли изъясняться по-русски – ломано, смешно, но, в принципе, понятно. Здесь же постоянно присутствовали вьетнамские боевые расчеты – вчерашние курсанты, временно оставшиеся без работы. Школяры не роптали, понимали, что в текущих условиях от них больше вреда, чем пользы. Ничего, научатся, будут и «В-52» сшибать, как мух, и прочие «летающие крепости»...

Он в несколько затяжек выкурил сигарету, припал к фляжке с чаем, осмотрелся. Рычали транспортно-заряжающие машины, полным ходом шла дозарядка ракет на пусковые установки. С вспомогательными работами вьетнамцы справлялись блестяще, перекрывали все действующие нормативы. Тяжелые «Уралы-375Д» с полуприцепами, поступившие на вооружение в 63-м году, вплотную подъезжали к пусковым установкам. Ракеты комплекса «СА-2» с прямоточными двигателями достигали в длину почти 11 метров, смотрелись чудовищами (хотя и изящными), занимали практически всю длину прицепа. Зарядка осуществлялась поступательно, в размеренном темпе.

Приказ о передислокации пока не поступил, значит, новые стрельбы планировались в этом же районе. Стартовая позиция комплекса располагалась на краю джунглей, в небольшой низине, на территории в 16 га – как и полагалось. Позиция не совсем устраивала, особенно низина, но так уж сложилось на этой войне: старший советник, царь и бог на территории вверенного подразделения, не был волен определять местоположение позиций, это находилось вне его компетенции, участок под развертывание утверждало вьетнамское командование, зачастую вводя ограничения. Выдвигались условия: ограничить стрельбу в некоторых секторах, использовать определенные высоты. Случалось, что это фактически означало запрет на стрельбу. На недоуменные вопросы старшие советники лишь задумчиво пожимали плечами, мол, так надо, и сокрушенно вздыхали. Почему так надо, кому это надо – объяснений не поступало. Вьетнамцы, как и русские, были загадочной нацией, но в целом совместная работа получалась.

На стрельбы у города Ханьхо ограничений не вводили – и на том спасибо. ЗРК был не маленький, разместился на площади в половину квадратного километра. Все элементы тщательно замаскировали – защитными сетками, пальмовыми листьями, охапками тростника и бамбука. Шесть пусковых установок с нацеленными в небо ракетами, станция наведения на автомобильном шасси, радиолокационный дальномер, транспортно-заряжающие машины – шесть штук плюс одна резервная, электростанция, средства связи, маскирующий пост. В состав комплекса включалась радиолокационная станция разведки и целеуказания – круговой индикатор последней размещался в кабине управления ЗРК. В распоряжении – двенадцать ракет (впрочем, к вечеру уже меньше) – шесть на пусковых установках, в полной готовности к старту, еще шесть – на ТЗМ, разбросанных по пространству и хорошо замаскированных. Охрана комплекса рассредоточилась по периметру, на территории автоматчики в темно-зеленых гимнастерках почти не «светились». Станция наведения ракет с воздуха была незаметна. В ней располагалась основная аппаратура, антенное оборудование. В отличие от предшествующих зенитных комплексов антенны станции во время сканирования сектора обзора оставались неподвижными, ориентирование блока антенн обеспечивал механический привод. Станция искала и обнаруживала цели, вела сопровождение, определяла момент пуска, проводила пуск, сопровождение ракеты до встречи с целью. Она же сообщала, попал ты или промазал. Аппаратура станции размещалась в трех подвижных кабинах – кабине управления, передающих устройств и аппаратной. Имелась кабина распределения питания, ремонтная мастерская с запасными элементами, кабина для опознавания принадлежности самолетов. Элементы соединялись системой кабелей. Это был сложный огромный механизм с кучей нюансов. Но непосредственно с управлением справлялись пятеро: майор Раевский, старший лейтенант Газарян и три капитана – Давыдов, Гарин, Романчук...

Выдалась свободная минутка, из аппаратной высунулся любопытный нос Вадима Гарина – худощавого, улыбчивого, с двумя ранними залысынами, протянувшимися над лбом. Он не стал выходить – вдохнул полной грудью и снова спрятался. Из кабины РЛС выбрался Саня Давыдов – степенный, приземистый, образец хладнокровия и сдержанности (когда дело касалось работы), засек сигарету в руке командира и засеменил в его сторону – тоже покурить. Мрачноватый Романчук, голова которого была покрыта ранней сединой, отдаляться от кабины не стал, сел на корточки и стал возиться с кабелями, опутавшими порог. Их иногда и принимали за змей – могли шарахнуться. Давыдов был мокрый с головы до ног, тяжело отдувался, испарина сочилась с кончика носа. Голому торсу в этот день он предпочел расстегнутую льняную рубаху, смотрелось забавно – солидная рубаха и трусы в горошек. Льняные изделия любили, так как они не чувствовались на теле, но достать их было почти невозможно.

– Чем он там занимается? – кивнул Андрей на ковыряющегося в проводах Романчука.

– Самообладанием, Андрей Иванович. – Давыдов потянулся к пачке, забыв спросить разрешения.

– Потерял, что ли?

– Обронил, говорит, на минутку. Для него эти провода, как вязание для баб – успокаивает. Все нормально, Андрей Иванович, держимся. Напряжение дернулось – сейчас устраним. Как думаете, еще налеты будут?

– Уже летят «сто пятые», Саня. С Гуама летят. Неизвестно, куда именно, возможно, на Ханой, но следуют в нашем направлении. А стало быть, гостей надо встретить нормально, чтобы не злоупотребляли в дальнейшем визитами. Справимся?

– А как же, Андрей Иванович, когда не справлялись? Я докурю, ничего?

– Да хоть обкуришь...

Времени на отдых уже не осталось, и Давыдов припустил к рабочему месту. Раевский вернулся на станцию. Заревели мощные ТЗМ, забираясь в свои «норки». Военные маскировали кабину и прицепы. В людской многоголосице звучали искрометные русские выражения: помимо офицеров во Вьетнаме проходило службу небольшое количество солдат и сержантов срочной службы. Проявлять дружелюбие удавалось не всегда, но «дружба народов» в итоге побеждала.

Проветриться на сорокаградусной жаре практически не удалось. Снова лезть в кабину – равносильно смерти. Андрей еще раз осмотрелся, вдохнул полной грудью, прежде чем забраться внутрь. С позиций хорошо просматривалась округа – особенно на севере. У джунглей местность повышалась, панорама мерцала в дымке. На горизонте скопились тучи – такое ощущение, что еще в Китае. На севере, километрах в пятидесяти, был Ханой, столица ДРВ, в двух верстах – промышленный город Ханьхо с важными стратегическими объектами: металлургические заводы, военное производство, склады, арсеналы, нефтехранилища. В окрестностях дислоцировался полк ствольной зенитной артиллерии – именно он отражал нападение, когда противник переходил на малые высоты. Из Ханоя через Ханьхо проходила важная железная дорога. Комплекс Раевского прикрывал железнодорожный узел на южной окраине города. Объект также имел стратегическое значение и его пока удавалось прикрывать. Но система ПВО была несовершенна, да и количество атакующих самолетов явно превышало норму – бомбардировщики прорывались через заслоны. Горели заводские корпуса, в дыму просматривались разрушенные цеха. В городе тоже наблюдались пожары – чадили здания, сновали пожарные машины. Виднелся мост с пафосным названием «Зуб Дракона» – его затейливые пролеты возвышались над местностью. Это был не просто мост – символ сопротивления вьетнамского народа американской агрессии. Его построили французские колонизаторы в 1904 году. Сверхпрочная конструкция – камень, сталь. Под мостом протекала бурная река Сонгма. Значение переправы для военных перевозок переоценить невозможно. По мосту шел основной поток грузов с севера на юг. В 45-м году его подорвали партизаны Вьетминя, а в конце 50-х, когда Ханьхо оказался в зоне ДРВ, мост восстановили. Американцы его бомбили, начиная с 65-го года, регулярно устраивали налеты, но все заканчивались безрезультатно, легкие повреждения сразу устранялись. В последние дни налеты участились, и американцы стали использовать высокоточные бомбы с лазерным наведением. «Зуб Дракона» прикрывал второй ЗРК дивизиона, группу советников там возглавлял майор Овчаров. Мост стоял, но все его окрестности были окутаны дымом...

Снова налет! «Все по местам!» – зарычал Раевский в громкоговоритель. Каждый знал свое место. Мелькали сосредоточенные вьетнамские лица, возбужденные славянские физиономии. Станция наведения ошетилилась антеннами. Жар расплавлял кости, но случались моменты, когда про него забывали. РЛС обнаружила идущий на Ханьхо «косяк». Давыдов докладывал: часть свернула в сторону, очевидно, на Ханой, другие движутся к Ханьхо. Как минимум два звена «сто пятых». Андрей уже прикидывал: часть – на мост, остальные – на железнодорожный узел. Давыдов продолжал информировать: уже на подходе, показались еще два звена...

Эти черти плясали по экранам радаров! Сосредоточенно пыхтел Газарян, оба трудились в поте лица. Три канала, по две ракеты на каждую цель. В случае необходимости трехканальное исполнение контура наведения давало возможность одновременно бить по цели тремя ракетами. Получалась короткая очередь – команды подавались станцией наведения. Где-то в городе уже гремели взрывы – первое звено заходило с моря. Бороться с помехами давно научились, отражения от предметов местности тоже могли отличать от самолетов...

– Товарищ майор, я его захватил, сопровождаю... – Газарян обливался испариной. – Следите, давайте команду...

Одна из точек на экране была захвачена. Захватить цель – не самое сложное. Главное – правильно сопроводить ракету к месту встречи... Пуск! Включился двигатель, бортовая аппаратура ракеты. Тяжелая «СА-2» сорвалась с пусковой установки, ушла по пологой траектории в небо. Увы, давно миновал 66-й год, когда американские самолеты сбивали гроздьями и противник не знал, что с этим делать. Американцы вносили изменения в свою тактику – отрабатывали кинжальные удары по дивизионам, применяли атаки на малых высотах. На самолеты монтировали устройства по предупреждению о входе в зону излучения ЗРК, ставили активные помехи, отрабатывали противоракетные маневры. Американские войска снабжали самонаводящимися противорадиолокационными ракетами. Противник применял весь спектр помех: ответно-импульсные – когда на экране возникало множество ложных отметок, активно-шумовые – они засвечивали полосы на пол-экрана, и это полностью исключало наблюдение за целями. Или сбрасывали с самолетов металлическую игольчатую мишуру – она обладала большой отражающей способностью и тоже сбивала с толку. Но и советская военная мысль не сидела без дела – с помехами боролись успешно, и на каждое американское новшество приходились два наших...

– Анекдот рассказать, Андрей Иванович? – восторженно вскрикнул Газарян. – Американцы окружили в джунглях вьетнамский отряд, кричат: «Вьетнамцы, сдавайтесь!» Им в ответ: «Вьетнамцы не сдаются! Карпенко, снаряды!» А что, товарищ майор, прямо как мы сейчас – вроде бы есть, а вроде и нет, хотя весь мир прекрасно знает, что мы здесь есть... Попали, товарищ командир! – восторженно вскрикнул оператор. – Ей-богу, попали! Конец котенку, не будет больше гадить!

Цель поражена, сообщила станция. И не важно, целиком сбита или получила повреждения – гадить все равно не будет! Часть самолетов шла на малой высоте – ухала ствольная зенитная артиллерия. Взрывы гремели в отдалении – значит, прорвалась только часть. Поступали сигналы со станции разведки и целеуказания: самолеты прорываются к мосту! Несколько машин заходят на железнодорожный узел, который в данный момент забит составами! Снова цели на экране: неустойчивые прыгающие точки.

– Пологое пикирование, Андрей Иванович! – кричал Газарян. – Ох, любят они это дело... Да кто же так пикирует! У меня попугай у сестры лучше пикирует! Идут, Андрей Иванович, опять идут! Смотрите! – Армен смеялся в каком-то нездоровом возбуждении. – Они свет и свободу несут в брюхе своих бомбардировщиков!

Андрей отстранил подчиненного, сам припал к экрану. Точки на радаре сблизилась, потом отпрыгнули друг от друга, словно резиновые мячики. Американцы использовали помехи, впрочем, ничего нового. Он всматривался в экран до острой рези в глазах. Рука дрожала на кнопке «Пуск». Уже можно... Нет, не стоит, лучше подождать, пусть точки сойдутся. Американцы в горячке штурма часто теряют контроль, увлекаются, делают то, что никогда бы не сделали на учениях. Он дождался, когда две цели окажутся практически рядом, зачем-то сблизилась... и надавил на кнопку. Сорвалась ракета с северной пусковой установки, несколько секунд томительного ожидания, когда зубы отбивают яростный барабанный бой, а сердце готово выскочить из груди...

– Доставлено! – рассмеялся Газарян. – Высший пилотаж, товарищ майор! Вы две цели одной ракетой поразили!

Такое случилось нечасто. Есть, однако, бог на этом свете, видит, кому тяжело! Две отметки пропали с экрана радара. За пределами железной кабины прозвучали глухие разрывы – самолеты упали в обозримом пространстве, у летчиков не было возможности катапультироваться. Жалости к этим людям Андрей не испытывал. Они уничтожают мирных жителей тысячами, стирают с лица земли города и поселки, обрабатывают джунгли ядовитыми дефолиантами, а населенные пункты и позиции войск – напалмом, и там не остается ничего живого. А улетающая обратно на базу, даже не смотрят, что наделали...

– Метко, командир! – прозвучал в динамике радостный крик Давыдова. – Но у меня плохие новости – это еще не все!

Первое звено рассеяли. Кто-то прорвался к городу, но большого урона не нанес. Один из самолетов резко сошел с курса. Он шел над рекой на малой высоте. Хлопали зенитки, размещенные вдоль береговой полосы. У пилота сдали нервы – он сбросил бомбы чуть не в воду, взмыл вверх, стал разворачиваться...

Истребительная авиация Вьетнамской народной армии в этот день не работала, и за все отдувались зенитчики. Новое звено истребителей-бомбардировщиков заходило на город с юго-востока. Они не кончались, работали с упорством обреченных. Всему миру известно, что война вот-вот кончится, американцы уйдут, и проиграет в этой мясорубке кто угодно, но не социалистический Вьетнам! Часть отметок пропала с экрана – три самолета свернули к мосту. Хлопала ствольная артиллерия, невозмутимо работал комплекс майора Овчарова. Цели возникли на экране – оставшиеся самолеты шли на Ханьхо. Такое и раньше случалось: пропадало ощущение времени, все мысли и чувства концентрировались только на экране. Захватить цель, довести до той точки, когда уже не жалко выпустить ракету...

Снова работали вдвоем – каждый по своей мишени. Три ракеты уже выпустили, осталось три. Перезаряжать комплекс во время боя нельзя – сразу слетится стая, и все разнесут в пух и прах. Да и долгий это процесс... Первая ракета ушла в «молоко». Газарян возмущался в полный голос, бил кулаком по раскаленной панели, допускал высказывания оскорбительного характера в адрес проклятых американских агрессоров. Азартный был парень, увлекающийся. Андрей опять выжидал до последнего, вел мишень, закусив губу. Пуск! Вел ракету, подавая сигналы на бортовую аппаратуру, рука практически не дрожала. Попадание – как бальзам на душу! Порой он ловил себя на мысли, что в определенные моменты становится кровожадным – особенно после сообщений о гибели мирного населения в обеих частях разделенного войной Вьетнама... «F-105» отвалил от курса, летчик пытался удержать машину. Он уже не представлял опасности. Последняя ракета осталась...

– Товарищ майор, кажется, на нас идет... – прозвучал в динамике деревянный голос Романчука. – Американец засек наши позиции, сейчас вдарит из всех стволов. Вы уж поработайте с ним, а то пожить еще хочется...

Пожить еще лет сорок было бы неплохо! Если выбросит этот упырь все бомбы, то накроет площадь, равную тридцати футбольным полям. А это, как ни крути, вся позиция комплекса! Самолет заходил над джунглями, но это не помеха. Главное, чтобы раньше времени не начал снижаться, а то вряд ли попадешь... Отметка дрожала, исполняя искрометный танец. Вот, пропала на пару секунд, вызвав мощный выброс адреналина – снова возникла, видимо, уходила за гору. Высота три тысячи метров – критическая для ЗРК, дальность шесть километров... Он выпустил ракету с упреждением – под надрывный кашель Газаряна. У того от напряжения чуть глаза не выстрелили из орбит! Попадание! Набил руку, черт возьми! Как в тире! Отметка пропала с экрана и больше не возникала. Андрей в изнеможении откинулся на спинку стула. Пот хлестал как из ведра, даже подошвы сандалий промокли.

– Вы прямо ворошиловский стрелок, Андрей Иванович... – похвалил Газарян и резко помотал головой, словно стряхивал наваждение. – В джунгли упал, да и хрен с ними, джунглями, лишь бы не на наш «спальный район»...

Лагерь находился в километре от позиций, туда он при всем желании не мог упасть... Все, шабаш, зенитный комплекс выпустил все шесть ракет и больше стрелять не мог. Окружающее пространство ходило ходуном, в городе гремели взрывы – часть самолетов прорвалась и освобождалась от груза. Непосредственная угроза зенитному комплексу вроде миновала. Экран радаров был девственно чист. Но над городом шел воздушный бой, и повлиять на эту беду майор Раевский уже не мог.

Люди высыпали на улицу – здесь хоть как-то дышалось. Ноги путались в электрических кабелях. Земля не держала, уходила из-под ног. Какое-то опустошение в душе, беспокойство, что мог сделать больше, но, черт возьми, не сделал! Высовывались из укрытий вьетнамцы. Подбежал товарищ Динь – весь сморщенный, бледный.

– Товалися майор, все консилось? – Он сильно коверкал русские слова, но, в отличие от своих соотечественников, имел хоть какие-то познания. А многие команды схватывал чисто интуитивно. Ох уж эти стажеры-дублеры... Впрочем, из этих людей мог выйти толк, не боги горшки обжигают.

– Ваше дежурство, товарищ Динь, – устало махнул рукой Андрей. – Занимайте места операторов, сканируйте воздушное пространство. В случае появления самолетов неприятеля – немедленно докладывайте.

– Есть, товалися майор! – Бравый лейтенант лихо отдал честь и разразился командными возгласами. Для постороннего они звучали потешно, хотя ничего смешного в этом не было. Вьетнамцы любили улыбаться, были приветливы и благодушны, но за этой ширмой скрывалась серьезная нация – со строгой дисциплиной, стойкостью и самоотдачей. Вьетнамцы свято верили в правоту своего дела, и порой брала жалость за американцев – неужели те и впрямь решили, что эту нацию можно победить? Места операторов и вспомогательного персонала вьетнамцы заняли за считанные мгновения – просто разлетелись и уже находились на местах. За случайный пуск волноваться не приходилось – нечем стрелять. Дым над стартовыми позициями уже развеялся. Подошли офицеры – выжатые, обмусоленные. Саня Давыдов подтягивал трусы в горошек и виновато улыбался – резинка растянулась. Андрей мысленно усмехнулся: и это инженерно-интеллектуальное ядро зенитно-ракетного комплекса?

– Все в порядке, командир? – неуверенно улыбался Вадим Гарин. – Все, что нас не убивает, делает нас сильнее?

– Все, что нас не убивает, попытается это сделать еще раз, – отрезал Раевский. – Так что не расслабляемся, товарищи.

– Ага, расслабишься тут... – проворчал Газарян.

Представшая с холма панорама не зывала к идиллическому спокойствию. В городе Ханьхо горели здания – не меньше двух десятков. Что это было – жилые дома, промышленные объекты, административные строения – отсюда не видно. Над городом стелился дым, сквозь который прорывались всплески огня. Там сновали машины – пожарные, военные, мелькали фигурки людей. Над железнодорожной станцией зарево не стояло, значит, ЗРК свою работу выполнил. На паре участков что-то дымилось, но пожарные справлялись. Мост «Зуб Дракона» стоял как влитой, хотя все пространство вокруг него затянуло дымом. Из серых завихрений проявлялись решетчатые конструкции пролетов, массивные опоры, погруженные в воду. Длина моста достигала 170 метров – не бог весть, тот же Коммунальный мост в родном Новосибирске в десять раз длиннее, – но для Вьетнама с его узкими речками это была серьезная конструкция. К югу от моста бомбы повредили полотно – там уже возились люди. Зенитный комплекс Овчарова на востоке загадочно помалкивал. Там обильно произрастал кустарник, и элементы комплекса имели хорошую маскировку. В небе над мостом барражировали два американских

самолета. Словно ястребы, витали кругами над потенциальной жертвой. У одного барахлило управление – самолет заваливался на крыло, пилоту приходилось стараться, чтобы поддерживать курсовую устойчивость. Бомбы они скинули, бомбить было нечем, но что-то держало их в этом районе, возможно, вели съемку или проводили визуальную разведку. Они барражировали на высоте примерно трех километров. ЗРК Овчарова хранил молчание – скорее всего, шло перезаряжание. Гавкнули зенитные орудия – явно для острастки. В синем небе обрисовались облачка разрывов. Самолеты стали смещаться к юго-востоку, к морю – их словно ветром сдувало. Явно уходили – медленно, неохотно. Пилоты набрали высоту. Экипажу поврежденного самолета удалось справиться с управлением, выровнять машину. Второй поначалу пристроился в хвост, но вдруг отвалил от первого и стал разворачиваться! Не мог он просто так уйти, душа не давала! Начал разворачиваться по широкой дуге, при этом пилот сбрасывал высоту, чтобы не попасть под огонь ракетного комплекса.

– Что делает, гад! – ахнул Романчук.

– Это не к нам, – проворчал Давыдов. – Последняя попытка атаковать мост...

Отказать американским летчикам в храбрости было бы несправедливо. Они упорно бились за свои сомнительные ценности! Не прошло и минуты, как «F-105», поблескивая серым фюзеляжем, пошел обратно. Он двигался над руслом реки, совершая пологое снижение. Вьетнамцы разбегались – и кому-то повезло. Но не всем. Бомбовый боезапас пилот истратил, но на борту имелась скорострельная пушка, крупнокалиберные пулеметы. Он открыл огонь из всего оставшегося вооружения. На участке с поврежденным полотном прогремели еще два взрыва. С насыпи скатились фигурки – кто-то потом поднялся, пустился наутек, другие остались лежать. В полотне зияли повреждения. Самолет летел на мост, пикировал под углом тридцать градусов. Но едва ли в планы летчика входило повторение подвига Гастелло. Это была устрашающая акция, стрелок вырабатывал оставшийся боезапас. На мосту никого не осталось, брызгал щебень, ползла насыпь. Открыла огонь зенитная артиллерия, но расчетам требовалось время, чтобы сменить угол наклона к горизонту. Рваный залп не принес результата. Ракетный комплекс в подобной ситуации был бессилен. Самолет красиво прошел над мостом, траектория изогнулась коромыслом.

– Он словно на летнем празднике работает, сука... – сплюнул Романчук. – А толку от этих потуг?

Практическая польза от содеянного вряд ли имелась, за исключением десятка убитых вьетнамцев. Повреждения на полотне легко восстанавливались – местные дорожники имели наработанный опыт. Заходить на второй круг пилоту было не с чем. Он снова развернулся, но теперь отправился на восток – под защиту своих корабельных батарей в Тонкинском заливе.

– Нагадил и свалил... – продолжал выражаться Романчук.

Но далеко самолет не ушел. В зенитных артиллерийских полках тоже работали советские специалисты, учили местных воинов премудростям артиллерийской науки, и стрельба на догонных курсах сюда входила. Пара орудий произвела нестройный залп. Снаряд задел фюзеляж в районе хвостовой части! Самолет тряхнуло, из фюзеляжа вывалил густой дым. Пожар на борту был явно «неоперабельным», самолет задрожал, клюнул носом, начал резко терять высоту. Недолгое время пилот пытался вывести его из пике, потом оставил тщетные попытки. Сработала катапульта, и летчика вышвырнуло в небо, распахнулся купол парашюта. Его качало, как маятник, и парашют едва не сложился. Злорадно засмеялись офицеры. В стороне заулюлюкали вьетнамцы, тоже следившие за развитием событий. Самолет упал в километре от насыпи – где не было ни людей, ни объектов. Огненный шар поднялся в небо. Парашютисту тоже не повезло – его расстреляли автоматчики, взбешенные гибелью товарищей.

– Что и требовалось доказать, – пробормотал Андрей. – Ладно, хоть не создал угрозу пожарной безопасности...

Снова навалилось опустошение. Прав ли был Колумб, открыв Америку?

– А чего они хотели, сами начали... – мстительно процедил Газарян.

Остальные угрюмо помалкивали, потянулись к сигаретам, лежащим на столике.

Вразвалку подошел сержант Сабуров в расстегнутой рубашке и шортах до колен – на вид и не скажешь, что отличник боевой и политической подготовки, а также победитель социалистического соревнования между военнослужащими срочной службы. Парень был физически развит и неглуп, полностью контролировал своих подчиненных.

– Распоряжения будут, товарищ майор? Я так понимаю, мы не получили приказ о перемещении?

– Стоим на выбранной позиции, сержант. Собирай свое войско, пусть командуют: перезарядить пусковые установки. В ближайшее время не понадобятся, но вот что будет дальше – мутный лес.

– Есть! – приложил руку к пробковому шлему сержант и вразвалку двинул прочь.

– Думаете, снова прилетят? – задумался Гарин. – Сколько мы их сегодня сбили? Половина точно не вернется на базу.

– Прилетят, – вздохнул Андрей. – Не сегодня, так завтра. В городе они уже похозяйничали, а вот с мостом успеха не добились. Этот мост у них костью в горле, сколько зубов уже сломали.

– Вьетнамцы считают, что «Зуб Дракона» – заговоренный, – заметил Газарян. – Дескать, духи помогают в борьбе за правое дело. Или боги – я точно не разбираюсь. Я вообще не понимаю, как идеалы марксизма-ленинизма в их сознании сочетаются с суевериями и богобоязностью. Такое возможно, Андрей Иванович?

Остаток дня расчеты ЗРК жили обыденной жизнью. Горячих сводок из разведывательного управления не поступало, но операторы продолжали сканировать небо: самолеты могли прилететь откуда угодно. Пусковые установки были готовы к стрельбе. Обученные вьетнамские зенитчики под руководством советских товарищей заканчивали маскировочные мероприятия. Доложил командир охранного взвода товарищ Вань (парня, разумеется, нарекли Ваней): прибыла смена, охрану комплекса принимает взвод старшего лейтенанта Му Чиня, а подразделение Ваня выводится в Ханьхо. У Вани имелся переводчик с терпимым знанием русского языка, от него и получили свежие известия. В Ханьхо все плохо, разрушено несколько промышленных предприятий, бомбы попали в жилой сектор – там завершается тушение пожаров, из-под завалов вытаскивают выживших. Много погибших – женщин, детей, стариков. Городские больницы переполнены – у людей осколочные раны, сильные ожоги, обширные контузии. У паренька, что частил по-русски, слезы навернулись на глазах, он шмыгал носом – под бомбежкой в этот день погибла его мать, пострадала сестра. Но он не мог покинуть службу, которую ему доверила Родина. Железнодорожная станция повреждений не получила, за исключением метко пораженной водонапорной башни. «Зуб Дракона» тоже уцелел – отремонтировать поврежденный путь труда не составляло. Досталось зенитной батарее – погибли почти все расчеты, разбиты два орудия 61-К, поставленные Советским Союзом. Истребительная авиация ДРВ, к сожалению, прибыть в район не смогла, все «МиГ-17» и «МиГ-21» работали в окрестностях Ханоя, подвергнувшись невиданной атаке. Всем сегодня досталось, особенно мирному населению, которое по определению ни в чем не виновато...

Вьетнамцы печалились, украдкой вытирали слезы. Все они были местными, в городе проживали их семьи, родственники, друзья. «Христофор Колумб» определенно был не прав, мрачно подумал Андрей, глядя в лица солдат.

– Что-то я не пойму, кто сегодня победил? – посмотрел на него Газарян. – Не иначе дружба, товарищ майор?

Глава вторая

К наступлению темноты взвод товарища Му Чиня взял объект под охрану. Часть бойцов ушла в дозоры, несколько человек с радиостанциями разместились в джунглях. Объект охранялся с суши и с воздуха. Аппаратура запитывалась, работала РЛС раннего обнаружения. Вчерашние курсанты получили подробные инструкции на все случаи жизни. «Нападение дракона не учли, товарищ майор, – заметил Газарян. – Впрочем, дракон у них священное животное – как корова в Индии, с драконом воевать нельзя...» Эфир был чист, связаться со вторым подразделением дивизиона оказалось несложно. «Рад, что вы целы, Андрюха, – радостно возвестил майор Овчаров. – Мост пока держим, местные путевые бригады устраняют повреждения. Наши тоже все целы, у охраны двое раненых, и курсант ногу сломал, когда через капот «Урала» кувырнулся. Осколки ТЗМ повредили – по счастью, только ходовку, ремонтируем. А так все нормально, стоим на дежурстве, проводим регламентные работы».

Вечерняя мгла улеглась на Северный Вьетнам. На первых порах было непривычно – в шесть часов вечера густая тьма, причем в любое время года. Но как-то притерпелись, нет таких неудобств, к которым не смог бы привыкнуть советский человек. Жара и духота к вечеру не спадали, влажность только усилилась. Прожектора в целях маскировки не включали, довольствовались фонарями и тусклым освещением кабин. От города распространялся запах гари, но и к нему привыкли. С Тонкинского залива доносилась канонада. Ухало на севере, в небе переливались лиловые зарницы. В Ханьхо было тихо – все, что могли сотворить американцы, уже сотворили. Отдохнуть не удалось – боевое дежурство никто не отменял. С первыми дождевыми каплями на стартовые позиции прибыла проверка – подошли два «газика» и разбитый японский грузовичок, доверху набитый автоматчиками. На КПП его не пускали – снова языковые сложности, а автоматчики в кузове сами не знали, кого охраняли. Им сказали ехать, они и поехали. Пришлось вмешаться – сигнал с командного пункта уже получили. Андрей облачился в брюки, надел рубашку, сверху набросил дождевик – что-то подсказало, что лишним не будет. Прибывшие офицеры не выражали возмущения по поводу проволоочки. Принцип «лучше перебдеть, чем недобдеть» работал на всей территории Северного Вьетнама. Прибыли трое – капитан из учебного центра (знакомый по лицу, но незнакомый по фамилии), подполковник Коняев – один из заместителей генерал-майора Малашенко, командующего ограниченным контингентом советских советников, и незнакомый подполковник с блестящим от дождя черепом. Форму во Вьетнаме не носили, сориентироваться было трудно. Гражданский образ офицера дополнял «бухгалтерский» портфель с массивной застежкой.

– Подполковник Аверченко, – представился незнакомец. – Прибыл вчера из столицы, к новому витку напряженности, так сказать. Должен провести инспекцию всех подразделений и предоставить руководству подробный рапорт: как вы тут живете, как воюете. Будем знакомы, майор, – протянул короткопалую ладонь подполковник. – Наслышан о действиях вашего подразделения, хотелось бы осмотреться. В хозяйстве майора Овчарова мы уже побывали, в Ханое тоже посчастливилось попристутствовать во время боевой работы...

Это было так кстати, весь день мечтали! Пришлось включить дополнительное освещение, построить офицеров и бойцов срочной службы – естественно, не голышом. Дождь усилился, но это было лучше, чем париться в духоте.

– Надо же, – поцокал языком Аверченко после представления офицерского состава, – Раевский, Давыдов... Прямо «бастион Раевского» какой-то. Багратиона нет?

– Багратиона нет, товарищ подполковник. Но в хозяйстве товарища Овчарова есть Платов, есть Уваров...

Проверяющий засмеялся, он был настроен доброжелательно. Группа военных советников жила и работала по уставу – с этим не поспоришь, да и боевые потери минимальные. Косили тропические болезни, медики зафиксировали несколько «психиатрических» случаев, связанных с нервным надрывом и последствиями контузий. Кого-то лечили на месте, других отправляли в Союз. О том, что будут сложности, перед командировкой не скрывали, люди знали, на что шли. Претензий к рядовому составу не имели, с местными не собачились, наоборот, дружили. А если случались инциденты, то сор из избы не выносили, проблемы решали на местах, используя все имеющиеся средства. Инциденты случались редко – всех, кто имел отношение к Вооруженным силам СССР, досконально проверили еще на родине, и неблагонадежных отсеяли. Неуставные взаимоотношения пресекались на корню сержантами – они предпочитали не наживать неприятности на свои головы. Визит проверяющего продолжался час, он осмотрел позиции, поговорил с людьми. Особенно подполковника интересовало, сколько самолетов сбили сегодня, сколько вчера, какое количество ракет, стоящих миллионы советских денег, ушло в пустоту. «Из зарплаты будут вычитать», – догадался Газарян. Потом подполковник, основательно промокший, побежал в «газик», а Андрею удалось перекинуться парой слов с Коняевым.

– Все нормально, майор, не обращай внимания, – успокоил Николай Ефремович. – Москва довольна нашей работой, будут представления к правительственным наградам. Извини, что по темноте приехали – весь день в Ханое провозились, Павел Афанасьевич впервые в жизни под обстрел попал, сильно впечатлен и что-то поменял в своих жизненных установках. С утра в Хайфон поедет. Вы славно продержались. Сколько, говоришь, самолетов сбили? А если без прикрас? Штуки четыре, как минимум? Неплохой результат. У Овчарова – три плюс зенитчики под занавес одного свалили. И это не считая тех, что получили повреждения и убрались своим ходом, не выполнив задачу. Но порадовать нечем, майор, это только начало. Ты в курсе, информацию имеешь. Так что в ближайшие дни придется поработать. Сегодня налетов не будет – по данным разведки, на базах США все спокойно. Дождь усиливается, будет полоскать всю ночь – по крайней мере, наши синоптики в этом уверены. Возвращайтесь в лагерь – и шесть часов сна в награду за проделанную работу.

– Вот это подарок, Николай Ефремович! – восхитился Андрей. – Пожалуй, лучшее, что могли услышать.

– Оставьте вьетнамцев, пусть дежурят. Связь с базой – обязательна. В пять часов утра вы должны быть на посту. Ожидаются новые налеты. Сколько ЗУР у тебя осталось? Впрочем, не отвечай, подвезут еще, получите полный боекомплект.

– Тяжело сегодня нашим пришлось, Николай Ефремович? Потери в группе есть?

– Бог миловал... – Коняев смущенно кашлянул и пояснил: – Пара осколочных ранений у рядовых, два комплекса под Хайфоном – в металлолом, но народ успел рассыпаться, прежде чем летчики дали залп. Американцы точно сбесились – чувствуют, что война проиграна, и хотят обратить парижские переговоры в свою пользу, чтобы не выглядеть посмешищем в глазах всего мира. Будут наносить максимальный урон. В Ханое и в промышленной зоне Фухао сильные разрушения, уничтожены казармы, склады – дай бог, не последние. Окраины Хайфона, где военные объекты, с землей сровняли. Горят нефтехранилища, разрушили базу торпедных катеров в Хью. Ударили, сволочи, по аэродромам нашей истребительной авиации – вот «МиГи» сегодня практически и не летают...

– Надолго мы здесь, Николай Ефремович?

– А это ты у штатовцев спроси. Им точно известно. Как наиграются, так и поедет. У них склады с авиабомбами по всей Юго-Восточной Азии – надо же истратить это благолепие... В общем, отдавай распоряжение, и спать со своими орлами. Срочников оставь здесь – не बारे, в гамаках поспят... под дождиком... Ну, бывай, майор, нам еще с Аверченко в Ханой выгребать по распутице...

Дождь в последующие полчаса разгулялся на славу, превратился в настоящий тропический ливень. Земля под ногами раскисла, дождевики не спасали. Ветер отсутствовал, жара не сходила, и все же дышалось легче. Офицеры загрузились в старенький автобус «ГАЗ-651», приписанный к подразделению. Водитель, сержант Калинин, – рослый, поджарый, отпустивший усы с попустительства начальства, зевал за рулем. Служба – не бей лежачего, знай, верти баранку да опахалом махай. Говорить в салоне было невозможно – дождь стучал по крыше со всей страстью. Последним прибежал Газарян – вспомнил, что забыл на радостях свою непромокаемую сумку, пришлось вернуться. Офицеры меланхолично смотрели сквозь дождевые разводы на стеклах, как он бежит к автобусу, разбрызгивая грязь.

– Во как несется, – усмехнулся Давыдов, – словно колбу с холерой разбил.

– Я здесь, можно ехать! – проорал Армен, влетая в автобус.

– Калинин, кого ждем? – рявкнул Андрей. – Главный пассажир прибыл, можно ехать!

Водитель газавал, колеса расшвыривали грязь. Андрей сплющил нос о стекло, провожал глазами стартовые позиции, которые дождь превратил в месиво. Проплыла замаскированная ТЗМ, пусковая установка с нацеленной ввысь ракетой. Вьетнамские товарищи постарались – обмотали ее брезентом, забросали пальмовыми листьями, и все же очертания смертоносной игрушки проявлялись сквозь стену дождя. Мелькнула фигура часового на КПП. Боец был закутан в непромокаемый плащ и напоминал привидение из дождя. Лагерь в километре от позиции соорудили на скорую руку. Вьетнамцы вырубили поляну, сложили из бамбука несколько шалашей, накрыв их пальмовыми листьями, а на тропах вокруг лагеря поставили ловушки – свое любимое развлечение. На вопрос, рассчитаны ли эти ловушки только на янки и их пособников, вьетнамцы традиционно пожимали плечами, а переводчики растолковывали: ведь русским друзьям ничто не мешает ходить по тропам, верно?

Проселок в джунглях разбух от дождя и превратился в кашу. Причудливые «плакучие» деревья склонялись к дороге, ворохи вьюнов-паразитов терлись об автобус. Колеса проваливались в клейкую жижу, смрад из выхлопной трубы окутал машину, проникал в салон. Ухабы, заполненные водой, тянулись бесконечно. В сухую погоду это было терпимо, просто трясло, сейчас это вылилось в проблему – мощности двигателя не хватало. Калинин ругнулся, когда объехал глубокую яму и зацепил бортом нарост на дереве. Препятствие осталось сзади, и он протянул еще метров триста, прежде чем началась сплошная непроходимость – машина буксовала, колеса прокручивались вхолостую, залпы грязи летели из-под колес.

– И мы еще ругаем российские сельские дороги, – удивлялся Давыдов. – Уверяю вас, товарищи, они идеальны! Настоящее бездорожье – здесь и сейчас! Калинин, прекращай стонать! А ну, разгоняйся!

– Товарищ капитан, а вы сами сядьте за руль! – сорвался сержант. – Посмотрю на вас...

Метров через сто застряли окончательно – на полпути между позициями и вожделенной раскладушкой! Колеса просто утонули. Машина накренилась – ухабы слева оказались глубже. Отчаянный рывок ничего не дал – только глубже просели.

– Калинин, два наряда вне очереди! – возмутился Раевский. – Ты что наделал, гореводитель?!

Сержант, забыв про субординацию, огрызнулся, что он не дружен с небесной канцелярией – его в известность там не ставили. Раньше проезжали, а вот сегодня – извините, всегда что-то случается впервые!

Дождь продолжал хлестать – даже кроны деревьев ему не мешали. Забористая русская брань зависла над вьетнамскими джунглями. По команде офицеры покинули салон, побрели по щиколотку в грязь, предусмотрительно разувшись, попытались вытолкнуть автобус. Дружно навалились, дружно закричали. Грязь залепила лоснящиеся тела. «Калинин, три наряда вне очереди! – горячился Раевский. – А скажешь слово поперек, будешь до конца командировки

картошку чистить и на толчке гнить!» Картошка во Вьетнаме не росла, но смысл послания был предельно ясен. Водитель приуныл в своей кабине, бормотал слова оправдания.

– Все, тренировка закончена, – отвалился от заднего бампера Андрей. – Пошли пешком, пятьсот метров осталось. Калинин, а ты остаешься, и нам до лампочки, как будешь вытаскивать свою колымагу! Рация есть? Вот ею и воспользуйся, вызывай вездеход!

Расстроенный водитель вяло огрызался: мол, негоже русским оставлять своих в беде, – но потом перед носом возник кулак, и он замолчал. Сам-то завтра выспится, пока старшие по званию будут стоять на боевом посту!

– И правильно, пусть остается, нам-то что? – пробормотал Газарян. – В следующий раз головой будет думать, джигит хренов...

У старшего лейтенанта в сумке был фонарь, и он включил его. Люди брели по грязи, проваливались в ухабы. Сержант в кабине ругался, терзал рацию: срочно вездеход в такой-то квадрат, приказ майора Раевского, засони!

До лагеря добрались минут за пятнадцать – усталые, уделанные с ног до головы. Часовые не ершились, увидев бредущие во мраке фигуры. Что такое искрометные русские выражения, они уже знали и не хотели ощутить их тяжесть на себе. Лагерь находился в стороне от дороги, к нему вела различимая тропа. Работал дизельный генератор, под навесами моргали лампочки, защищенные от дождя. В сером воздухе колебались фигурки часовых в водостойких накидках. За деревьями прятались примитивные хижины из бамбука и стеблей лиан. Тесные каморки, рассчитанные на одного-двух человек. Удобств – никаких, даже смешно говорить об удобствах. Но пальмовые листья на крыше уложили плотно – протекать не должны даже в такую слякотную ночь. Специалисты разбредались по своим каморкам – времени на сон оставалось мало. Андрей забрался в шалаш – пришлось согнуться вопросительным знаком – и облегченно перевел дыхание. Эти жилища вьетнамцы явно строили под себя – маленьких, щуплых и неприхотливых. Но раскладушки в эти клетки вмещались. Под ногами поскрипывали соломенные циновки – хоть какая-то прослойка между пятками и землей. В углу под брезентом ютились две сумки – личные вещи. Там же стоял тазик, наполненный водой и сдохшими насекомыми. Майор помылся, стоя на коленях, черпая горстями воду, потом утерся махровым домашним полотенцем – за четыре месяца оно превратилось в вафельную тряпочку и практически не сохло. Грубое суконное белье тоже было влажным. Он расправил марлевый полог, закрепленный под потолком. Спать под марлей было неприятно – каким-то образом она задерживала воздух, но выжить без нее в этой местности было невозможно – большую часть кровососущих тварей она все же задерживала. Какое-то время майор возился, давил крылатых насекомых, успевших забраться под полог, затем свернулся калачиком, надеясь, что уснет мгновенно и все отпущенное время проспит как убитый.

Он действительно уснул, пока какой-то кровопийца не вонзился в лоб. С насекомым он расправился, но сон уже не шел. Сквозь дыры в бамбуковых стенах мелькали огоньки, перекликались часовые. Дождь прекратился именно в тот момент, когда уже не имело значения, есть он или нет. За стеной усилились крики, Андрей напрягся – нет, все нормально, это вездеход втаскивал в лагерь автобус сержанта Калинина. Доносился возмущенный глас сержанта: «Куда ты тащишь, дубина? Не видишь – дерево!» Автобус, судя по отдельным репликам, не пострадал. Дай бог, дорога к утру подсохнет, и не придется бежать на своих двоих...

Посторонние звуки вскоре затихли, но спать уже окончательно расхотелось, тем более что ужасно чесались искусанные участки тела. Кровососы во Вьетнаме были серьезной проблемой, отдельные их представители переносили заразные болезни вроде тропической лихорадки. Медицина в ДРВ, мягко говоря, не считалась передовой, советские врачи тоже не всегда справлялись. О многих заболеваниях в этой части света просто не знали. Вакцина от заражения не всегда помогала. Раевский прожил во Вьетнаме четыре месяца и уже дважды перенес лихорадку – слава богу, на ногах, крепкий организм справлялся. Другим везло меньше – люди

подхватывали серьезные болезни, валялись в больницах и госпиталях. У капитана Мелентьева в прошлом месяце стали отказывать почки – отбыл в Союз. Майора Хомченко сразила амёбная дизентерия. Он месяц пролежал в ханойском военном госпитале, исхудал до крайности. Но справился с болезнью, вернулся в строй – истощенный, с ввалившимися щеками, какой-то задумчивый и молчаливый. За две недели пришел в себя, вроде пронесло...

Противостояние между коммунистическим севером и империалистическими марионетками юга продолжалось с 1955 года. Поражение под Дьенбьенфу в 54-м вынудило французов уйти из Вьетнама. На чем и закончилась 1-я Индокитайская война. Вторая началась почти сразу. Все смешалось на Индокитайском полуострове – война во Вьетнаме, гражданская война в Лаосе, гражданская война в Камбодже. Вьетнам разделился на два государства – север, выбравший социалистический путь развития, и капиталистический юг, поддерживаемый США. Последние вступили в игру в 63-м году – самая мощная армия мира взяла под полный контроль Южный Вьетнам, чем весьма порадовала тамошних марионеток. Партизаны Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (янки называли его Вьетконгом) стали испытывать серьезные трудности. Южновьетнамские силы, при поддержке американского спецназа и западной техники, выдавливали их из ранее занятых сельских районов. На помощь братским патриотам юга пришла армия Демократической Республики Вьетнам. Вспыхнула партизанская война, и протекала она с переменным успехом. В январе 63-го партизаны НФОЮВ впервые нанесли крупное поражение южновьетнамской армии – это произошло в местечке Апбак. Американская авиация с 63-го года подвергала северную республику изматывающим бомбежкам. Техники и боеприпасов свезли в регион столько, что хватило бы на полномасштабную мировую войну. Америка доминировала в воздухе, на море. На базах по всему Южному Вьетнаму скопились горы боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Вертолеты и самолеты тысячами сновали в небе. Только в 68-м году в стране находилось полмиллиона американских солдат. Система ПВО во Вьетнаме отсутствовала. Территория ДРВ и южные районы, занятые партизанами, подвергались ковровым бомбардировкам. Уничтожалось все живое. Самолеты сбрасывали обычные бомбы, боеприпасы объемного действия, бомбы с напалмом – сгущенным бензином, имеющим повышенную уничтожающую способность; распылялись химические вещества, гербициды, дефолианты, уничтожающие тропическую растительность... В 65-м году в Северный Вьетнам по просьбе руководства ДРВ стали прибывать советские специалисты – ракетчики, летчики, гражданский инженерный персонал. Имелось соответствующее решение политического руководства, постановление Совмина. Никто не собирался оставлять в беде молодую республику. Формально СССР в войне не участвовал. Но материальная поддержка осуществлялась полным ходом. Ставилась задача – создать эффективную систему ПВО. Во Вьетнам поступали ЗРК «СА-75», истребители «МиГ-17» и «МиГ-21», бомбардировщики «Су-17» и «Ил-28», самолеты транспортной авиации, зенитные орудия, РЛС, техника связи. Военно-транспортные самолеты доставляли сотни тонн груза. Поставки постоянно росли – особенно после того, как вьетнамское правительство согласовало вопрос вступления Народной армии в Южный Вьетнам. Непрерывающимся потоком шло стрелковое оружие (частично изготовленное в Китае по советским лицензиям), танки «Т-34» и «Т-54» с инфракрасными прицелами ночного видения, орудия 100-го и 130-го калибра, ствольная зенитная артиллерия, малые боевые корабли...

Только зенитных комплексов «Двина» было поставлено около сотни, восемь тысяч ракет к ним. Советские специалисты разработали типовой штат зенитно-ракетного полка Народной армии. Приступили к работе учебные центры, где специалисты из СССР проводили обучение вьетнамских расчетов. Ставилась задача – в кратчайшие сроки ввести в действие два зенитно-ракетных полка. Учебные центры развернулись под Ханоем. Объекты усердно маскировали. Внешне – домики для проживания, построенные из бамбука, хозяйственные постройки и классы – обычные сараи с земляным полом и тростниковой крышей. Проблем

было множество – трудности перевода, нехватка подходящих кадров, необходимость постоянной маскировки, запрет выходить в эфир (использовали имитаторы). Жара, влажность, болезни, бытовые неудобства... Инструкторский состав делал все возможное для подготовки расчетов ВНА. График учебы предельно уплотнили: начинали в пять утра, заканчивали поздно вечером – позволялся лишь двухчасовой перерыв в жаркий полдень. Каждый специалист вел определенный сектор, одну или две дисциплины. После получения техники матчасть изучали уже не по бумажкам. Обучали не только будущих ракетчиков, но и пилотов истребительной авиации, специалистов ствольной артиллерии, способных поражать мишени на малых высотах. Отдельно шло обучение радиотехническому делу. В июле 65-го на боевых позициях под Ханоем были развернуты два дивизиона ЗРК. Боевые расчеты состояли из советских специалистов, вьетнамцы числились стажерами. 24 июля к северо-востоку от Ханоя состоялся первый противовоздушный бой с участием ЗРК «СА-75». В течение дня были сбиты три «Фантома» – при этом выпущено всего четыре ракеты. Пуски проводились на встречных курсах, на средних высотах. Для американского командования это стало полной неожиданностью. Они уже не могли безнаказанно хозяйничать на высотах выше 5 километров. Их разведка факт появления ЗРК проворонила. Меры по уничтожению выявленных дивизионов успехом не увенчались – подразделения постоянно маневрировали, меняли позиции. Воздушная война продолжалась, но теперь американская авиация несла потери, летчики, вылетая на задание, не знали, вернутся ли живыми. Вьетнамские расчеты обретали нужные навыки, учились действовать самостоятельно – хотя и с оглядкой на «старших товарищей». Пилоты противника меняли тактику, ставили помехи, но и советские специалисты развивали полученный опыт. ЗРК встречали врага в самых неожиданных местах, с успехом применялись действия из засад, оборудовались ложные позиции. 2 декабря 66-го года вошло в историю как «черная пятница» для американской авиации – в небе над Вьетнамом было сбито восемь самолетов...

Вьетнамские подразделения нарабатывали опыт, отпала необходимость в постоянном контроле. Но требовались новые кадры. Часть специалистов снимались с боевых позиций, возвращались в учебные центры. В действующих подразделениях оставались небольшие группы из наиболее опытных офицеров. Они выполняли обязанности инструкторов, ремонтников, советников, а в наиболее критические моменты удаляли из кабин «посторонних» и сами брались за выполнение задачи...

Майор Раевский прибыл во Вьетнам в начале января. В родном Новосибирске стояли студеные морозы – температура за минус тридцать, даже для Сибири перебор. В Свердловской области, где он проходил службу в 4-й Отдельной дивизии ПВО, тоже было, мягко говоря, не жарко. То, что советские кадры уже седьмой год работают во Вьетнаме, секретом не являлось. Но то, что самому представится возможность «погреть кости», стало полным сюрпризом. Судьба помотала. Из Сибири, где до сих пор проживали пожилые родители, призвался в армию, отслужил в зенитном полку под Печенгой. Недолгая учеба в электротехническом институте – факультет РТФ (радиотехника) полностью устраивала, но как-то наскучила гражданка. Все стремились из армии, а он, наоборот, – в нее, непобедимую и легендарную. Снова чемодан в зубы – учеба в Орджоникидзевском высшем командном зенитно-ракетном училище, окончил с отличием, вернулся в Сибирь, но ненадолго – впрочем, жениться успел. Много времени и ума на это не надо. Но ума не хватило, чтобы хорошенько все обдумать. Семейная жизнь с Натальей не удалась. Лишний раз убедился – женщины сами не знают, чего хотят. Изматывающие ссоры, громкие скандалы, потом пошли какие-то странные знакомые, ухажеры. Одному из кавалеров настучал по ушам, и только чудом «телега» не приехала на службу, где он уже занимал должность заместителя командира зенитно-ракетного дивизиона. Детей не было, но имелась квартира, совместно нажитое имущество, машина, так что без суда не обошлось. Это было противно – судиться с женой не хотелось. Оставаться голым в 33 года – как-то тоже. Несколько раз он пытался помириться, начать все заново, и даже Наталья была не против – но ровно до

первого громкого скандала. «Что-то плохо у нас получается жить хорошо», – однажды горько заметила супруга. Эпопея с разводом продолжалась полтора года – впору в графе «семейное положение» писать «все сложно». А когда все закончилось, это был чуть ли не праздник для обоих. В последний раз посмотрели друг на друга и расстались с неясными чувствами – нервно истощенные, издерганные. Андрей чувствовал себя так, словно с войны вернулся. Потом полгода приходил в себя, проживал в квартире на подселении. Случалось, заходили дамы – интеллигентные, воспитанные, с дальним прицелом. Но он воздвиг себе барьер, снова на грабли – ни за что. Опыт есть, «прививка» сделана, пусть другим морочат головы с замужеством. Иногда с неясной грустью поглядывал на детскую площадку, где в песочнице возилась малышня, чему-то улыбался, вздыхал, потом решительно сбрасывал наваждение: отставить, майор, еще успеется...

Группы специалистов-ракетчиков для спецкомандировки формировались именно здесь – на базе 4-й Отдельной армии. Отобранных кандидатов тщательно проверяли – особенно по линии КГБ. Изучали биографии, опрашивали сослуживцев, друзей, соседей, разве что в кровать не лезли. Хотя к кому-то, возможно, и заглядывали. С отобранными кандидатами проводили беседы, «счастливчиков» отправляли на медкомиссии. Попутно проверялись теоретические и практические знания по специальности. А специальность в полку была одна: владение ЗРК «СА-75». Раевский знал свое дело на «отлично» – это и пошло в актив, перевесило сомнительное положение на личном фронте. Недоумение после первых бесед усилилось, когда Андрея вызвали к члену Военного совета армии генерал-майору Худякову. Только тот стал называть вещи своими именами.

– Скажу честно, я был против вашей кандидатуры, товарищ майор, – сообщил главный армейский замполит. – Вы не член партии... Кстати, почему?

– Это проблема, товарищ генерал-майор? – не удержался от дерзости Андрей.

– Признаться, да.

– Пока не чувствую готовности принять на себя такую ответственность.

– Странно, – пожал плечами Худяков, – другие готовы, а он, видите ли, нет. В ближайшие полгода станете кандидатом в члены КПСС, уяснили, товарищ майор?

– Так точно, товарищ генерал-майор.

– За вас ходатайствуют генерал-майор Ордынский и полковник Жданов. По их мнению, вы один из лучших специалистов в своем деле, обладаете нужными волевыми качествами, морально готовы к работе за рубежом. Кстати, я вдумчиво перелистал ваше личное дело, и один из пунктов мне показался сомнительным...

– Все разрешилось, товарищ генерал-майор.

– Ладно, с женским вопросом не ко мне, – поморщился член Военного совета. – Ненавижу копаться в этом грязном белье. Все уже взрослые люди... Готовы отправиться во Вьетнам, Андрей Иванович?

– Готов, товарищ генерал-майор.

– Вот и отлично. Ваша команда вылетает 4 января. Срок командировки – 12 месяцев. Если повезет, новый 73-й год встретите уже дома. Ну, давай, майор, готовься, с наступающим тебя. Цели и задачи обрисуют на месте, и ты, надеюсь, догадываешься, что это не развлекательная поездка.

Он даже удивился, как быстро влился в коллектив. Во Вьетнаме не было такого понятия – зима. Все двенадцать месяцев были как один. Когда-то больше осадков, когда-то меньше, а бывало, вообще лило неделями. А еще американцы распыляли в небе Вьетнама йодистое серебро и свинец, отчего дожди в отдельных районах хлестали без передышки, что сильно затрудняло передвижения войск и техники, губило посевы, разрушало дороги. Учебный центр под руководством полковника Бахметьева находился на южной окраине Ханоя, готовил личный состав 264-го зенитно-ракетного полка ВНА. Почти три месяца Андрей занимался препода-

давательской работой – обучал курсантов премудростям наведения ракет на цель. Противник явно издыхал, сказывалось отупение от этой бесконечной войны. Трезвые головы на Капитолийском холме уже понимали, что выиграть войну невозможно, и лучшее решение – выйти из нее с достоинством. В конце марта армия ДРВ начала так называемое «Пасхальное наступление» в Южном Вьетнаме – совместно с местными патриотическими силами. Сайгонский режим слабел, разлагался, он мог держаться только на американских штыках. Армия США тоже испытывала проблемы. Наступление велось по трем фронтам, и довольно быстро удалось захватить несколько провинций. С начала войны это была самая масштабная операция. Упорные бои продолжались месяц. Одновременно шли парижские переговоры о восстановлении мира во Вьетнаме. С одной стороны выступали ДРВ и Временное революционное правительство Южного Вьетнама, с другой – Соединенные Штаты и Республика Вьетнам. Делегации от ДРВ требовался козырь. Реакция Америки была жесткой. В ответ на наступление в Южном Вьетнаме президент Никсон приказал возобновить бомбардировки Северного Вьетнама. Налеты отличались особым упорством и жестокостью. Бомбили все подряд – военные, гражданские объекты. Били по Ханюю, по Хайфону, по приморскому оборонительному району. Тонны бомб сбрасывались на наступающие в южных провинциях войска. Потери с обеих сторон были колоссальные. Наступление на юге захлебнулось, войска перешли к обороне. Налеты не стихали, проводились практически каждый день. «Тебя переводят на боевые позиции, майор, – сообщил в один прекрасный день полковник Бахметьев. – Направляешься в район Ханьхо, там крупный промышленный центр и транспортный узел. Американцы не успокоятся, пока окончательно его не разнесут. Туда переводится дивизион 264-го полка – ты и Овчаров. Зенитной артиллерии в местечке хватает, но она не может работать на средних высотах. Так что берите дело в свои руки. Уверен, ты справишься».

Это было неделю назад, и с этого времени ад не прекращался...

Глава третья

Взрыв подбросил, и что-то хрустнуло в раскладушке. Удар был тупой, словно многотонной чугунной бабой дали по земле. А как прошла дрожь, хлопнул непосредственно взрыв. От такого даже мертвый проснется! Андрей слетел с продавленной раскладушки, судорожно принялся искать сандалии, забыв, что они на ногах. Снова взрыв – совсем рядом. С потолка посыпались пальмовые листья, перекрученные стебли. Взрывная волна пробила стену и качественно ударила по загравку. Который час? Он мельком глянул на часы, благо стрелки светились. Половина четвертого утра, еще не рассвело. Взрывы не смолкали – теперь уже дальше, к северу. Но нет, опять гроыхнуло под боком, и пламя сквозь пролом резануло по глазам. Кричали и бегали люди – словно муравьи в разоренном муравейнике. Андрей схватил свою сумку, перекинул ремень через спину – как чувствовал, что возвращаться не придется. Лагерь в джунглях подвергся атаке – кто, с какой стати? Он выбежал наружу – весь всклокоченный, толком не проснувшийся. Половина шалашей была разрушена, горел лес. В том месте, где находился сарай для личного состава вьетнамской армии (настил из досок, циновки, стенки из бамбука), полыхало пламя. Там возились люди, кого-то вытаскивали из-под поваленных деревьев. Вьетнамцы кричали, как галчата. Оказавшись на середине поляны, он стал озираться. В этом квадрате все закончилось. Теперь обстрелу подвергались северные участки района. Но самолеты в небе не летали. Что это было?

– Андрей Иванович, что происходит? – подбежал взъерошенный Газарян в одной сандалие. Парень ошарашенно вертел головой.

– С моря катера атакуют, – выдвинул Андрей единственную правдоподобную версию. – Пробили тамошнюю ПВО, ракетами садят – уж не знаю, по выявленным ли целям или просто так. Собирай наших, Армен, поспали – хватит.

Подбежал вьетнамский офицер, стал что-то частить, махать руками. Языковой барьер встал, как Великая Китайская стена. Всю жизнь Андрей считал, что знаний английского вполне достаточно, чтобы объясниться в любой части света. Мнение оказалось ошибочным. За четыре месяца он выучил только «базовый набор» – слов пятнадцать.

– Чего он хочет? – не понял Газарян.

– Не знаю. Что-то говорит и показывает. Ты еще здесь?

– Ах да, – спохватился Армен и умчался.

Слева занялось пламя, закричали люди. Загорелся замаскированный грузовик, солдаты в дыму что-то лихорадочно сбрасывали с кузова – вроде бы ящики. Хотелось надеяться, что не снарядные! Продолжалась «сорочья ярмарка». Вьетнамцы сбивали брезентом пламя – оно пошло на убыль. Дым над джунглями висел коромыслом. Подбежал Давыдов, растирая слезящиеся глаза:

– Командир, я что-то не понял... Можешь объяснить?

Андрей только отмахнулся. Что не так, где остальные? Недобро кольнуло в груди. Увы, общежития в джунглях не было, ночевали кто где, шалаша для сна были разбросаны вокруг поляны. Справа раздались крики – кричали свои, Газарян и Романчук. Бросились в дым, не сговариваясь, чуть не споткнулись о мертвое тело, которое вытащили вьетнамцы. Останки принадлежали шуплому пареньку, одетому в темно-зеленую униформу. Вся нижняя часть была залита кровью. Слева дымился сарай, на обломках суетились военнослужащие. По курсу – поваленные деревья, там тоже возились люди.

– Командир, сюда... – прохрипел Романчук. – Вадьку Гарина завалило...

Помчались, как на пожар. Имелось же недоброе предчувствие... Шалаш, в котором ночевал капитан Гарин, стоял на отшибе, под кроной мощных деревьев. С ветвей свисали присосавшиеся к стеблям лианы. Развесистое дерево свалило взрывом – прямо на шалаш! Из-

под месива бамбука, пальмовой листвы, перепутанных веток паданца доносился стон. Жив! Офицеры набросились на проклятое дерево, дружно схватили, поволокли в сторону, бросили. Потом, мешая друг другу, задыхаясь от волнения, стали отшвыривать обломки. Жар еще не унялся, часть хижины сгорела – очевидно, рвануло рядом, и пламя пошло по кругу. Пострадавший стонал, царапал землю ногтями. Его перевернули на спину, потом схватили под мышки, поволокли на открытое место. Вадим отбивался – словно враги в плен брали. Капитан был полностью дезориентирован, боль в обожженной щеке сводила с ума. Во всем остальном не пострадал! Камень свалился с души. А он продолжал извиваться, пытаясь привстать.

– Лежи уж! – Романчук схватил его за шиворот, пристроил обратно.

Гарин закашлялся, схватился за живот. Выпуклые глаза блуждали в полумраке. На всякий случай его ощупали, пытались проверить пульс...

– Отстаньте, ироды... Вы еще температуру мне измерьте, она явно повышена...

– Фу, цел! – выдохнул Давыдов... – Натерпелись мы с тобой, Вадька...

– Ага, натерпелись они... Ладно, спасибо, мужики, вытащили... – Гарин привстал на колене, его держали с двух сторон. – Не помню ни черта, шибануло круто, потом все посыпалось, огонь в голову прилетел... Что это было, Андрей Иванович?

– Вопрос открытый, Вадим, – Раевский осветил фонарем дрожащее лицо. Ожог не был катастрофой, но кожу прорвало, пузырились волдыри. Впрочем, медицина нынче хорошая, след останется, но ничего страшного. Сметаной бы намазать, только где ее взять – в Москву сгонять?

– Все плохо, командир? – простонал Гарин. – Мне, ей-богу, больно, жжет сильно...

– Подумаешь, обжегся, – неуверенно заметил Давыдов. – Главное, что кости целы. Привстань-ка, дитяtko, посмотрим, сможешь ли передвигаться.

– Смогу, отстаньте! Нет, правда, Андрей Иванович, я в порядке. Поболит – перестанет.

– Тем более что все равно женат, – хмыкнул Газарян и на всякий случай отодвинулся. – Для жены и такой сойдешь, а остальным ты и не обязан нравиться.

Вадим прихрамывал, но, в общем, шел. Потом вернулся в норму, побежал вместе со всеми.

Растерзанный лагерь приходил в себя. В характере вьетнамцев отсутствовала склонность к панике и истерии. У этой многострадальной нации был мощный коллективный дух. Огонь уже потушили, мертвых и раненых вынесли из-под деревьев. Попискивала уцелевшая радиостанция. Мужчина с сумкой медика через плечо бинтовал раненого. На севере за гущей джунглей гремели взрывы, но очень глухо, как будто эпицентр событий накрыли гигантским ведром. Андрей поторапливал: выдвигаемся на стартовую позицию! Снова кричал и семафорил вьетнамский офицер, тыкал пальцем, но Андрей лишь отмахнулся. А зря. На выходе из лагеря офицеров поджидало еще одно открытие. От автобуса «ГАЗ-651» остался обугленный скелет. Пламя съело все, что могло, и угасло. У вездехода оторвало гусеницу, он тоже смотрелся неважно. Рядом со скелетом автобуса прыгал в нервном возбуждении сержант Калинин, хватался за голову, пытался забраться на водительское сиденье – в общем, вел себя неадекватно. Помимо техники пострадавших здесь не было.

– Товарищ майор, хорошо, что вы все целы! – бросился наперерез сержант. – Посмотрите, что стало с нашим автобусом! Кто возмещать будет?

– С Никсона спроси, – огрызнулся Андрей. – У него долларов много, на всех хватит.

– Нет, это просто беспределщина какая-то... – горячился сержант. – Что творят, сволочи, а мы опять терпим? Сплю себе в кабине, сны всякие вижу... и вдруг как даст по башке, меня аж выбросило... Дальнoбойными стреляли, товарищ майор, видимо, из Тонкинскогo залива – прямо с акватории лупили...

– То есть на автобусе мы сегодня не поедem, – расстроено почесал затылок Романчук.

– Ты поразительно догадлив, Серега! – сказал Газарян. – Пробежимся, товарищ майор? Нам не привыкать, ведь так?

Этот обстрел не мог быть случайным. Он часть чего-то большего, что еще не наступило, но вот-вот наступит. И место офицеров отнюдь не здесь! Все поняли, побежали на дорогу. Сержант кричал им вслед: а как же я? Бранился с оглядкой Романчук: уж разберись, боец, не маленький! Где командир твоего подразделения? Снова группа месила грязь, люди задыхались. Частично рассвело, уже не приходилось плутать впотьмах. Отстал Гарин, парня качало. К нему метнулся Давыдов, но тот лишь со злостью оттолкнул товарища – сам справлюсь! И снова отстал. Потом просто уселся в грязь и сипел: бегите без меня, догону, тут всего-то километр...

Снова назревали события. Американцам не сиделось, даже ночь не переждали! Корабельные орудия стреляли по квадрату, координат комплекса они не знали, просто имели информацию, что в районе дислоцирован ЗРК. Огонь уже прекратился, когда военные специалисты выбежали из джунглей. Стартовые позиции почти не пострадали. Взрывом свалило несколько деревьев на опушке, порвало маскировочную сеть на РЛС. Навстречу выбежали растерянные вьетнамцы, что-то зачастили, изображая загадочные пассы. От станции наведения, придерживая спадающие шорты, спешил сержант Сабуров.

– Сейчас скажет, что во время несения службы происшествий не случилось, – пошутил Давыдов.

– Товарищ майор, кажется, пронесло! – сообщил сержант. – Такая вакханалия была... ну, вы знаете. На опушке деревья выстригло, потом в низине гремело, чуть до железки не дошло! Сообщение получили из штаба полка: американцы идут! С баз на Гуаме целая свора поднялась – «Фантомы» и «В-52»... Несогласованно у них получилось – сначала корабельщики отстрелялись, а теперь эти, с запозданием... Хотели за вами посылать, а вы легки на помине. А где товарищ капитан Гарин? – насторожился сержант, пересчитав прибывших офицеров.

– Задерживается, – буркнул Раевский. – Других новостей не было?

– Ракеты подвезли, товарищ майор. С этим мы сами справились, решили вас не будить...

Свежие боеприпасы – это хорошо... Начало пятого – начинался новый день, пока без осадков, по небу плыла рваная облачность. Ракетный комплекс работал в штатном режиме – специалисты заняли свои места, подтянулся Гарин, прохрипел, что с ним все в порядке. Щеку смазали противожоговой мазью, прилепили пластырь – товарищи подтрунивали, но не усердствовали. Доложила техническая разведка: «Фантомы» заходят с моря. Их много, идут волнами. Соседи были уже готовы к отражению атаки – удалось связаться с майором Овчаровым, пришел в готовность зенитный полк. В городе Ханьхо надрывались сирены, люди спешно покидали жилища, прятались в бомбоубежищах. Горячился подполковник Коняев в штабе полка: приложить все усилия, чтобы ущерб был минимальным! Город и так достаточно пострадал, куда уж больше! Десятки предприятий разрушены, а это не просто мастерские по пошиву шляп, а оборонные производства государственного значения!

– Товарищ подполковник, вы уверены, что не следовало проводить передислокацию? – кричал в трубку Раевский. – А если американцам известны наши координаты?

– Если бы да кабы, майор! – выругался Коняев. – Сражайтесь с противником там, где вас поставили! Риск существует всегда, надеюсь, он минимальный! Что ты хочешь от меня, Раевский? Место дислокации определяют вьетнамцы, новых пожеланий мы не слышали. Твой комплекс неплохо замаскирован, и куда его везти, если вся местность открытая? Ты должен начать стрельбу в любую минуту, а сколько времени потребуется на перевод в походное положение и наоборот? Часа три?

– Могли бы за полтора управиться, товарищ подполковник...

– Не рассуждай мне тут в сослагательном наклонении. Работай, майор, удачи...

И снова нервы на пределе, напряжение, концентрация... Погода играла на руку, облака рассеялись. «Фантомы» шли на высоте пять километров. Опасный самолет, высокоскоростной, маневренный, в полной мере оправдывает свое название. Рекорд высоты полета – 30 тысяч метров, рекорд скорости – почти 2600 километров в час! Для противодействия зенитным ракетами американцы применяли средства радиоэлектронного подавления, но эти преграды советские ракетчики научились обходить. Ракет тратили больше, но это не самое страшное. Огонь открыли далеко на подлете, две ракеты ушли в небо. Газарян разочарованно взвыл: мазилы! Но боевой порядок нарушили, самолеты разбросало по высотам. Снова захват цели, единичный пуск. Попался, голубчик! Подбитый самолет выпал из-под разреженных облаков, какое-то время пилот пытался сохранить курсовую устойчивость, но оставил эти попытки. Из-под крыла потянулся дым. Сработали катапульты, два купола парашютов взмыли в небо, а самолет вошел в штопор и вонзился в землю где-то за возвышенностью на востоке. Дружно взвыли все, кто это видел, бросали в небо автоматы, головные уборы. Вьетнамцы народ непосредственный – каждой маленькой победе радовались, как большой. Взмыли ракеты с позиции Овчарова – еще один «Фантом», кувыркаясь, полетел к земле, рухнул с оглушительным взрывом. Попадание – в районе кабины, пилоты не то что выскочить – почувствовать ничего не успели. Снова две ракеты с ЗРК Раевского – пламенный привет от трудового советского народа презренным империалистам! Мимо! Не дошел привет до адресата! Раевский торопился – самолеты резко шли на снижение, еще немного, и выйдут из зоны поражения. Опять работал Овчаров. Теперь визуально наблюдали атаку – самолеты выходили из зоны облачности. Задымился ведущий «Фантом», стал терять высоту. Пилот прикладывал титанические усилия, чтобы не упасть. Машина эффектно прошла над землей, поднялась на пару сотен метров, скрылась, окутанная дымом, за возвышенностью на востоке. «Пуск!» – скомандовал Раевский. Дернулась пусковая установка, выплевывая тяжелую ракету. Ведомый получил под брюхо, задымился! Он тоже отвалился от компании, отправился вниз какими-то ломаными зигзагами. Выпрыгнул лишь один член экипажа, второй, должно быть, потерял сознание. Еще один факел расцвел в седловине между холмами. Мелкие фигурки бежали по полю на другой стороне железной дороги – вьетнамские пехотинцы бросились отлавливать парашютиста. Это было их излюбленным занятием...

– Получили, фантомасы хреновы! – веселился Газарян.

Пусковые установки опустели. Проводить перезарядку во время боя категорически запрещалось, и члены боевых расчетов нырнули в ямы-убежища, вырытые у каждой кабины. Эти подземные склепы, возведенные вьетнамскими рабочими, были просторны, имели лестницы, а сверху закрывались стальными щитами. Но пока не назрела необходимость прятаться – самолеты шли на город. Американцы потеряли треть своих машин, но отступать не собирались. ЗРК Овчарова выдал последний залп, сбив еще один «Фантом». Остальные снизились на критическую высоту, шли на город развернутым строем. Открыли огонь зенитные орудия. Еще один «F-4» словно споткнулся, ушел в сторону, окутанный дымом, начал рывками набирать высоту, разворачиваться. До него уже никому не было дела. Зенитные батареи работали с предельной частотой, пытаясь остановить штурмующие город самолеты. Но часть «Фантомов» все же прорвалась к Ханьхо. Стремительно снижался, переливаясь в солнечных лучах, штурмовик со стреловидными обводами, раскрылся люк, посыпались бомбы. Они падали, кувыркаясь, выстраивались в какую-то жутковатую цепь. Городские окраины утонули в разрывах. Сложился, словно картонный, трехэтажный жилой дом, посыпались обломки. Рухнул соседний – поднялась гора пыли и пепла. Пара бомб упала на железнодорожную станцию. Взрывались остатки производственных корпусов под горой. Утонул в разрывах мост «Зуб Дракона» – снова ему досталось. В текущей ситуации ракетчики были бессильны – просто наблюдали за событиями. Большинству населения удалось укрыться. Отбомбившись, самолеты уходили ввысь, шли на разворот. Ствольная артиллерия вела огонь – теперь на догонных курсах. Самолеты рассыпались, терялись в небе и черными точками пропали на востоке, стрелять по ним было бес-

смысленно – восходящее солнце слепило глаза. В районе моста развеялся дым. «Зуб Дракона» стоял целехонький! И это не могло не радовать – особенно вьетнамцев, они злорадно смеялись, грозили кулаками пустому небу. А на железнодорожной станции горели здания, доносился рев пожарных машин...

– Раевский, перезаряжайте! – орал в трубку всезнающий Коняев. – У вас есть полчаса! Эскадрилья «В-52» уже в воздухе!

Новость была отвратительной. Мурашки поползли по коже. «Летающие крепости» были самым опасным оружием массового поражения в этой войне. Действовали на высотах до 15 километров, могли нести разные виды вооружения. Основная задача, для которой разрабатывался этот дальний бомбардировщик, – доставить две термоядерные бомбы огромной мощности до любой точки Советского Союза. Перезарядить успели – полчаса хватило. Тяжелые ТЗМ уползли в свои укрытия. А вот на перекур времени не хватило, надвигалась стая стервятников.

– Ого, товарищ майор, – пробормотал впечатленный Газарян, – в особо крупном размере идут. Ну ничего, мы всегда гостям рады, встретим по-людски...

– А ну-ка, отвали! – сказал Андрей, оттирая подчиненного плечом. – Сам постреляю. Уйди, говорю, Армен! И не смотри на меня как кот, которого согнали с дивана!

Последующие полчаса измотали до крайности. Шесть тяжелых бомбардировщиков в сопровождении постановщика помех шли на Ханьхо. Отметки целей прыгали, будто пьяные, по экрану. Исчезали, появлялись совсем в другом месте. Иногда экраны целиком покрывались рябью штриховкой, и в эти мгновения требовались выдержка и хладнокровие. Только не сорваться, не загубить все дело! Андрей терпеливо ждал появления мишеней – и они непременно появлялись! Бомбардировщики шли развернутым строем, сохраняя интервал. Это не имело значения, уловки американских пилотов мало впечатляли. Захват цели, удержание, недолгое сопровождение! Газарян ассистировал по второму каналу. Залп из двух ракет, когда до цели осталось километров десять! Он почти не дышал, уверенно вел ракету, удивляясь собственному спокойствию. Первая ЗУР ушла в «дырку» – обидно, да и шут с ней. Вторая попала в брюхо в районе хвостовой части. Бомбардировщик словно в яму провалился, нос самолета резко ушел вниз, а хвостовая часть окуталась дымом. Огромная пятидесятиметровая машина стремительно пошла вниз под углом в сорок пять градусов. Посыпались члены экипажа, все пятеро: командир, пилот, штурман, операторы РЛС и радиоэлектронной борьбы. Высота была приличная, и какое-то время они не раскрывали парашюты, парили в воздухе. Их поджидала нелегкая посадка – в густые джунгли, где вряд ли имелись открытые участки для приземления...

Самолет тоже упал, не долетев до города несколько километров. Дрогнула земля, загуляли раскаты. Так и земля способна разверзнуться, когда на ней взрываются тридцать тонн бомбового вооружения... Второй залп – еще одна «летающая крепость» отклонилась от маршрута, стала падать. Члены экипажа стали выпрыгивать из самолета. Армен Газарян бормотал под нос: скоро их в джунглях целая армия сбитых летчиков соберется, можно партизанское движение организовывать...

Третий залп из двух ракет... увы, миллионы народных денег в пустоту. Американцы усердно ставили помехи, и несколько самолетов все же прорвались к городу. Взрывы катились по Ханьхо, будто огненная колесница. Город пропал из вида за густым дымом. Пилоты усердно вырабатывали боезапас – дорвались-таки! Позиции Раевского остались в стороне – самолеты к ним не шли, обрабатывали более серьезные цели. Боевые расчеты высыпали на улицу, растерянно смотрели, как город превращается в груды развалин. Но зенитчики еще сопротивлялись – ствольная артиллерия вела беглый огонь. К сожалению, защитникам города не повезло. Четыре бомбардировщика утюжили цели, и оставалось только смотреть на эти безобразия. Завод под горой превратился в жалкое зрелище, но его продолжали оборонять зенитные бата-

реи. В центре Ханьхо рушились дома. Снова потерялся мост «Зуб Дракона», в том районе висел густой дым – словно одновременно активировали тонну дымовых шашек. На связи был майор Овчаров, извещал сорванным голосом: «Не наш сегодня день, Андрюха! Не устояли, хотя держались до последнего! Бомбы накрыли ЗРК! По крайней мере, три штуки взорвались на стартовых позициях, повреждена РЛС, хотя и не фатально – можно починить, но не в таких же условиях! Повреждена транспортно-заряжающая машина, разбило кабину станции наведения, но аппаратура вроде функционирует. В группе наших специалистов – двое раненых, слава богу, несерьезно, одному плечо осколком зацепило, другой контужен на всю голову, но какие-то знаки подает, даже улыбается. У вьетнамцев четверо погибших, трое раненых – одному ногу оторвало, кричит так, что сердце сжимается, он явно не жилец, здесь в округе ни одного операционного стола... Мост подорвали, Андрюха! Столько лет стоял, а именно сегодня подорвали! Весь центральный пролет – в куски... Вы там держитесь, мужики, мы, похоже, вышли из игры...»

Дым рассеялся, и предстали на обозрение скорбные остатки «вечного» моста. Наглядное подтверждение тому, что не существует в мире ничего вечного. Хватались за головы вьетнамцы из obsługi ЗРК, у людей на глазах стояли слезы. Мост служил символом стойкости и непобедимости – а теперь вдруг что-то пошатнулось, пошло не так. Покалеченный мост выплывал из пелены дыма. Средняя опора надломилась, пролеты сползли в воду, и теперь он напоминал какой-то жутковатый трамплин. Смотреть на это не хотелось. Но зенитчики сделали все, что смогли. Самолеты, отбомбившись, развернулись на севере по широкой дуге, – выходили из боя. Минут через десять они пройдут краем береговой полосы – и на базу в Гуам с чувством выполненного долга...

Впрочем, не все – один из самолетов вдруг сменил направление, он возвращался к городу! Очевидно, не весь боезапас исчерпал, решил облегчиться, прежде чем «откланяться». Он шел на малой высоте, недоступной для ракет ЗРК. Хотя все равно пусковые установки были пусты! Бомбардировщик шел над городом, угрожающе рос в размерах. Казалось, он направлялся на позиции Раевского! Снизившись на критическую высоту, стал стремительно приближаться. Заволновались вьетнамцы, что-то гортанно выкрикнул офицер. Все в укрытия! Всполошилась сирена. Люди бросились к убежищам. «Командир, валим отсюда, сейчас накроет!» – страшным голосом выкрикнул Давыдов. Андрей попятился. Но что-то подсказало, что по стартовым позициям «Боинг» стрелять не будет – они хорошо замаскированы, визуальное обнаружение невозможно. Или же он что-то не понимал, продолжал свято верить в защищенность своих людей?

Интуиция не подвела. До опушки тропического леса бомбардировщик не добрался. Что творилось в голове у пилотов? Возможно, отказали нервы, и обстреляли совсем не те мишени, что планировали. Хлопали зенитки, дислоцированные на южной окраине, воздух покрылся облачками разрывов. С самолета работала скорострельная пушка, включились крупнокалиберные пулеметы. Бомб в брюхе, к счастью, не осталось. Шквал огня накрыл дома на южной окраине города, дымящиеся склады на железнодорожной станции. Снаряды взрывались фактически на позициях зенитчиков. Но батареи продолжали вести огонь – о стойкости вьетнамских солдат и офицеров можно было слагать легенды! И они добились своего: снаряд, отправленный в небо почти вертикально, поразил брюхо бомбардировщика! Огромная «рукокрылая» машина словно зависла на миг в воздухе, качнула непропорционально развитыми крыльями. Все это происходило рядом, в каком-то километре! Люди застыли, замороженные зрелищем. Сноп дыма вырвался из нижней части фюзеляжа, машина улеглась на правое крыло и по дуге пошла вниз. Она неслась прямо в глаза. Вокруг Андрея кричали люди, свистел Газарян, охваченный каким-то бесшабашным экстазом. Две точки отделились от самолета, закачались в воздухе. Остальные не успели выпрыгнуть. Членам экипажа пришлось почти сразу раскрыть парашюты – иначе разбились бы в лепешку. Самолет, потерявший управление, с диким ревом,

испуская струю дыма, прошел над головами ракетчиков, исчез за деревьями, и секунд через пятнадцать дрогнула земля. Он по касательной вошел в джунгли и взорвался где-то за лагерем. Вьетнамцы закричали от радости – эмоции хлестали через край.

Советские офицеры участия в общем веселье не принимали, их лица были какие-то постные, мучнистые. Ко всему привыкли, и смерть, невзирая на обещанную безопасность, частенько заглядывала в гости. Романчук почесал голый живот, пожал плечами. Саня Давыдов выудил сигареты из кармана шорт, стал чиркать спичками, которые даже во Вьетнаме имели вредную привычку не зажигаться. Газарян бормотал про «царствие небесное», хотя, с его просвещенной точки зрения, проклятые империалистические вояки такого не заслуживают. Парашютисты опускались на развалины завода под горой. Это было фактически рядом! Они парили в воздухе на расстоянии метров пятидесяти друг от друга. Их четко видели на фоне дыма, накрывшего город. Извивалось туловище в летном комбинезоне – пилот энергично тянул стропу, чтобы не упасть в дымящиеся руины, ошестившиеся острозубыми обломками.

В поле зрения возник сержант Сабуров в смешных «расклешенных» бриджах. Он с интересом воззрился на небо, освободившееся от американского присутствия.

– Сабуров, Романчук, Гарин! – крикнул Андрей. – Перезарядить комплекс!

Особого приглашения не требовалось, забегали расчеты. Время для зарядки имелось – едва ли за опустошительным налетом сразу последует другой. Волновались солдаты вьетнамского взвода, тыкали пальцами в парашютистов. Вился кругами вокруг Раевского товарищ Динь, что-то выкрикивал. Целое отделение, увешанное амуницией, сорвалось с места, покатилося с горки. Вьетнамцы отличались какой-то дьявольской выносливостью – могли совершать стремительные марш-броски, а потом эффективно вести бой, не испытывая нужды в отдыхе. Кучка людей бежала по склону, иногда кто-то вскидывал «калашников», стрелял. Первый парашютист, болтая ногами, опустился в проезд между разрушенными корпусами. Изогнув позвоночник, он вытащил из кобуры пистолет, потом сунул обратно. Пара мгновений, и он исчез за грудой обломков. Автоматчики развернулись в цепь, приближаясь к заводу, форсировали битую кирпичную изгородь. Второму не повезло, как он ни старался избежать неудачного приземления. Парашют зацепился за наклонившийся столб электропередачи, и летчик повис. Он совершал энергичные телодвижения, орудовал стропорезом, а когда сорвался вниз, высота оказалась приличной, он сломал ногу и закричал так, что слышно было даже людям с горы. Потом выполз, волоча за собой перебитую конечность, задел оголенный провод высокого напряжения. Наблюдать за этим было неприятно, человек какое-то время бился в судорогах и затих.

Подразделение бойцов ВНА шло по заводу, избегая опасных участков. Выживший пилот избавился от парашютного хозяйства, выбежал в узкий проезд и попятился, обнаружив перед собой дюжину свирепых лиц. Он произвел несколько выстрелов из пистолета, кинулся обратно, закричал от боли, подвернув ногу. Солдаты никого не потеряли, заходили с флангов, стреляли для острастки, получив приказ взять летчика живым. Фигурки людей скользили по развалинам. Два бойца вбежали в узкий переулочек, отрезав пилоту путь к отступлению. Тот метался по руинам, пытаясь найти лазейку. Стучали короткие автоматные очереди.

– Загнали в угол, – прокомментировал Газарян. – Интересно, что он будет делать, товарищ майор? Покончит с собой?

– Не думаю, – пожал плечами Андрей. – Это не в их традициях, слишком любят жизнь. Сдастся в плен, будет качать права, требовать уважительного отношения к своей персоне.

Так и вышло – летчик прекратил сопротивление, выбросил пистолет и вышел из-за угла с поднятыми руками. Он что-то кричал, используя несколько зазубренных вьетнамских слов. К пилоту подбежал боец, ударил прикладом в зубы. Американец покачнулся, упал на колени. Солдат опять занес приклад, но не стал добивать, повинуясь окрику командира. Подбежали

остальные, легчику вывернули руки, заставили встать на колени. Потом схватили за шиворот и, награждая тумаками, погнали к выходу с завода.

Когда процессия возникла на вершине холма, процесс заряжания ТЗМ шел полным ходом. Но появление чужака без внимания не осталось. Собралась толпа, вьетнамцы глухо роптали, с ненавистью смотрели на заклятого врага. Андрей же поймал себя на мысли, что не испытывает никаких эмоций, помимо любопытства. Отношение к пойманным янки с вьетнамской стороны было предельно суровым. Их не расстреливали, если пленные не оказывали сопротивления, но избить могли от души, а потом гноили годами в ямах, лишая элементарных удобств. В далеком 66-м году власти ДРВ инициировали так называемый «Ханойский парад» – с целью показать миру пленных американцев. Их провели по центральной улице вьетнамской столицы, что стало ошибкой. Население отреагировало крайне эмоционально – на пленных набросилась толпа, в драке досталось и охране. Синяков и ссадин было не счесть. Пленных с трудом удалось увести, и с тех пор власти зареклись устраивать подобные мероприятия – слишком яростен народный гнев. Пилота затолкали на холм, он был бледен, облизывал губы. Форменный комбинезон висел ключьями, мужчина прихрамывал. Ему было меньше тридцати, светлые волосы, еще недавно аккуратно уложенные, стояли торчком. Челюсть распухла, под глазом красовался роскошный фонарь. Он встал по окрику, долго не мог отдышаться. Андрей равнодушно разглядывал его. Обычный парень, ничего отталкивающего во внешности, даже способен вызвать жалость – у того, кто не в курсе им содеянного. Старший в команде выступил вперед, отдал честь, начал объяснять на чудовищном русском языке, что и как. Раевский сделал знак: не надо, все понятно. Подходили люди, молча стояли. Пилот физически чувствовал исходящую от них ауру, опустил голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.